

«Надоело, понимаешь, это присутствие...»

24 мая исполнилось 64 года со дня рождения нашего легендарного земляка. Сегодня на страницах «НВ» – поэт в воспоминаниях своей школьной подруги

Он ворвался в ее жизнь рыжим взерошенным теором. И вскоре исчез. Но несколько мгновений из жизни будущего нобелевского лауреата Марина БУКИНГА рисует вдохновенно и бережно.

Юный Бродский жил в своем особом мире

«Пять» за содержание и «два» до лампочки

1956 год. Смутное время. Мы окончили восьмой класс 191-й школы, что на Моховой. Окончили бойкой компанией, как сказали бы сейчас, «продвинутой» молодежи: книги, театры, музеи, выставки, концертные залы...

Осенью нас стало больше. Намного больше. Хотя и всего на одного человека: в классе – новенький. Иосиф Бродский.

Он пришел такой рыжий, картавый, потрясающе ни на кого не похожий – чудище! Сразу (и видимо, по привычке) уселся за последнюю парту. Все ясно – двоечник.

В школьной форме он выглядел нелепо. Гимнастерка, блестящие пуговицы, черный ремень, строгие брюки... Весь этот военизированный костюм безумно диссонировал с его немислимой внешностью.

И как он не вписывался в школьную форму, так не вписывался и в саму школу. Попросту игнорировал все предметы (за исключением разве что литературы). Игнорировал без вызова, без хулиганской бравады. Но игнорировал непреклонно – пропускал уроки, не выполнял домашние задания.

– Бродский, к доске!
– Я ничего не выучил.
– Два!

Но ему все эти «два» были до лампочки. А учителя словно назойливые мухи. Получая очередной «неуд», он будто говорил учителю: мол, это не мои проблемы. Мог запросто встать посреди урока и в глубокой задумчивости выйти из

класса. Для него таких понятий, как «надо» или «обязательно», не существовало. Если на уроке неинтересно – так, дескать, что мне тут делать?

К слову, в отношениях с людьми – то же самое. Столкнется с человеком нос к носу – даже не заметит, если человек ему неинтересен. И в этом не было никакой показухи, желания «дать понять» – он вообще не был способен к нарочитой демонстрации. Просто не замечал, и все.

В эти минуты нас в классе не было

И только на уроках литературы он оживал...

Литературу у нас преподавала пожилая умная женщина – Анна Ивановна. У нее для Йоси всегда было только две оценки: «пять» и «два». «Пять» – за содержание сочинений, «два» – за то, что у него в тетрадке все было исписано вдоль и поперек, зачириканно, замалякано – страшно смотреть!

Анна Ивановна новичка поставить на место и не пыталась. Напротив. Бывало, как они заведут какой диалог на свободную тему, всем остальным ученикам только и оставалось, что сидеть и слушать. Правда, порой было совершенно невозможно понять, о чем они говорят. В эти минуты нас в классе попросту не было. Помню, после таких уроков я приходила домой и «переводила» (при помощи толкового словаря), пытаясь понять: что же это Йосия в том разговоре имел в виду?

Йосия обрадовался нам. Искренне – как инопланетянам

Отучился Йосия у нас кое-как двести четверти. И пропал.

Разумеется, комсомольская организация «по настоянию педагогического коллектива» направила нас, его ближайших школьных товарищей, на «переговоры». Мы со скрипом, но пошли – куда денешься!

Жили Бродские на углу Литейного и Пестеля. Коммунальная квартира. Одна большая комната, разделенная надвое перегородкой. В проходной – родители, в дальней – Йосия.

В общем, «приперлись» мы – другого слова и не подберешь.

Дверь открыли родители – два

старых еврея. Ну, думаем, сейчас нам эта «диссидентствующая интеллигенция» даст от ворот поворот. И что же?..

– Вот он такой у нас непутевый, – мама в слезы. – Вы уж, ребята, с ним поговорите, вразумите. А то с ним совсем не совладать.

Не принимали родители его путь. До последнего не принимали. И только с годами к ним, видимо, пришло понимание, что сын-то – гений... Как, впрочем, и ко многим. Я так, например, не могу сказать, что относилась к его увлечениям с восхищением. Скорее просто принимала его таким, какой он есть. Наверное, за это он и называл меня «самой умной девочкой в классе». Ну а многие наши одноклассники Бродского так и вовсе недолюбливали: почему это, мол, мы, как овцы, в эту школу ходим, а он – нет?

...Ну так родители нас в Йосину комнату проводили. Входим. Сидит он – что-то записывает. Нас не замечает. У него был не то верстак, не то письменный стол. Впрочем, мебели и видно-то не было: вся комната была забита (буквально!) книгами: книги на столе, на полу, на стенах, чуть не на потолке. И вот посреди этого беспорядочного великолепия – рыжая голова.

– Йосия! Йосия! – окликаем.
Очнулся наконец. Вылез. Смотрит на нас, будто мы с другой планеты к нему прилетели. Но обрадовался. Искренне – как инопланетянам:

– Откуда вы, ребята?! Проходите!.. Ах, вы из школы!

В общем, выдавили мы из себя что-то про комсомольскую организацию. Потом говорил он.

«Подростки...» И они уничтожены

Йосия заменил школу самообразованием: литература, история, языки – с утра до вечера и с вечера до утра. Он уже тогда писал, переводил – все в стол. И уже тогда начал общаться с известными писателями, которые его и потом поддерживали. В нашей компании он был, конечно, безусловным лидером. Но у него был и другой мир, другая среда.

...«Подросток» – вот любимое слово юного Бродского. «Подросток» – вроде как ругательство. В его картавом исполнении это «подросток» звучало особенно смачно.

Вот как-то ехали с ним в трамвае. И тут какие-то ребята (чуть постарше нас) стали к нам задираться. И задирались как-то по-глупому.

– Подростки... – прокаркавил Йосия.

И все. В этом слове был такой мощнейший призыв к человеку по-

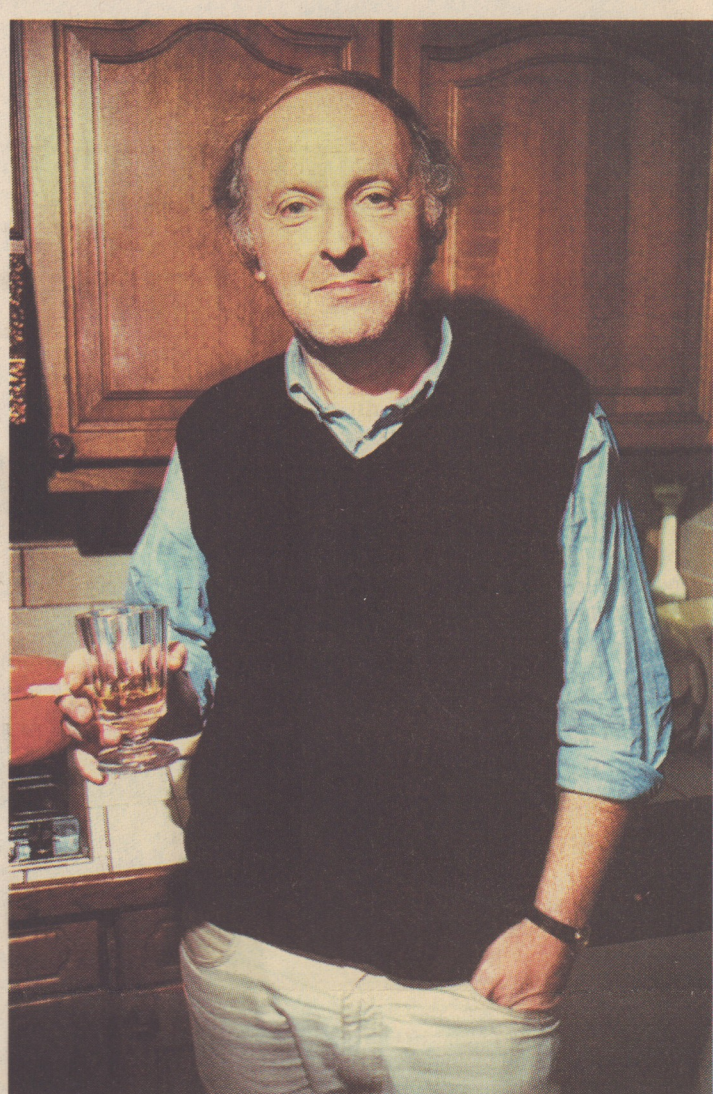

Фото AFP

По мнению одноклассницы, он прорвался бы в любое время

смотреть на себя со стороны! При этом он обращался не к тем ребятам, а так – вскользь, в никуда, мимоходом. Они были уничтожены...

...Ну а школу Бродский, кажется, так и не окончил, растворился в своем неведомом мире.

Мы встречались потом несколько раз. Встречались случайно.

«Все потные, вонючие, противные...»

1959 год. Троллейбус на Литейном.

Народу – полно. Жара – градусов тридцать. Влетает Бродский. Встречаемся взглядами.

– Маринка!!! – кричит через весь салон. – Ты откуда?!

Мне стало неловко – весь троллейбус на него вытарщился: всклокоченный, небритый, лезет напролом, никого не замечая. А главное, орет во всю свою картавую глотку.

– Да вот, – говорю, – в институт готовлюсь. А ты как?

– Только что с работы ушел.

– Обеденный перерыв, что ли?

– Да нет – совсем ушел.

– Как ушел?!

– Встал и ушел.

– Что же теперь тебе за это будет?

– А ничего не будет – я туда больше не пойду.

– Ну а почему ушел-то?

– Надоело, понимаешь, это присутствие. Жара такая!.. Все потные, вонючие, противные.

Мне тогда тут же вспомнилось, как он в школе с уроков уходил. Вот настал момент нестерпимый – импульс – и до свидания. А ведь в те годы, когда не работать было

преступлением, такие фокусы находились за гранью нашего советского понимания.

Он и самого ветра-то не замечал

1963 год. Угол Пестеля и Моховой.

На той стороне – Бродский. Увидел меня – и по диагонали, через перекресток, расталкивая автомобиль, словно пассажиров того троллейбуса в 1959-м, как всю жизнь – напролом.

– Мари-и-инка!!! Ты откуда?! – Длиннющее пальто, шарф, как всегда, болтается. – Представляешь, меня фрезеровщиком на завод засунули!

Мне опять неловко стало. Всегда съживалась при встрече с Бродским. Не то он был очень шумным, не то очень умным...

Он прорвался бы в любое время и при любых правительствах. Да, Бродский не вписывался в ту среду обитания. Но, думаю, не вписался бы и сейчас, не вписался бы и при царе Горохе... Говорят, есть такие «мальчики, которые все время пи-сают против ветра». Но это не про него. Бродский и самого ветра-то не замечал. Он не был бунтарем. Он был сам по себе, человеком вне времени и пространства.

«Совсем уезжаю...»

Последняя встреча. Угол Чернышевского и Салтыкова-Щедрина.

– Вот, уезжаю, – говорит.

– Как?!! Когда?!

– Послезавтра

– Как?!! Куда?!

– Совсем уезжаю.

Я тогда как-то сразу и не поняла...